

уже про муля. Скажешь кому-то, что он — муть, все, убьют. Она делала круглые глаза, наклонялась близко-близко, так что он видел зеленые крапинки возле зрачков и волосы, светлые и темные вперемешку. Сливочное масло, медовая коврижка, какао с теплым топленым молоком.

Она жила на магале.

А он — в новой девятиэтажке. Сын советского офтальмолога и врача. Гордость страны. Элита. Не белая, конечно, но бледно-бледно-серая прочная кость. Квартиру дали быстро — через полгода, до этого — снимали, мать была небогатой. Еще не хватало, деньги с книжки тратить. Гоняла отца ругаться, добиваться своего. Пойди и скажи, что тебе положено! А то опять раздадут все своим нацкадрам! Это была первая республика, в которой они служили. Мать волновалась. До этого все по РСФСР мотались. Все гарнизоны собрали. Есть на свете три дыры — Термез, Кушка и Мары.

А теперь вот — получите. Кишинев!

Получили. Двухкомнатную. Набережная, 39, кв. 130. Первый подъезд. Шестой этаж.

А им обещали дать свою квартиру, еще когда отец родился. Ее, разумеется, отец. Невысокий, шербадый, с заросшей сизой рожей. Вечно бухой хохотун. Вот уже и Вальке двенадцать лет, и старшой из армии вернулся, а все ждем. Валя.

Ее звали Валя.

Валя с магалы.

Тоже две комнаты — каждая метров по восемь. Глиняные полы. Прохладно. Мать, отец, Валя, старший брат, жена старшего брата, ихнее дите. Так и говорили — ихнее дите. Он даже не разобрался, мальчик или девочка. Поди разберись, когда так орет. К трем толам поняли, в чем дело, — даун. Да куда уж денешь? Пускай ползает, все-таки нямур. Родня. Через стенку жил такой же кагал нямуров — двоюродных, стюродных, незнамо какая гуша на киселе. Все орут, ругаются, трясут кулаками, обливаются холодной водой из колонки во дворе. Юг. Магала.

Еще во дворе жили старые евреи, бездетные. Дядя Моисей, слепой на один глаз, скорняк — иголка выскочила

из швейной машины, и все, тью-лю. Но и с одним глазом кушмы такие шил, что очертель стояла. Из горкома приехали даже. Шкурки болтались на веревке тут же, во дворе. Каракуль, смушад, смрад. Тетя Мина вынынула по очереди всех дворовых младенцев — строгая. На базаре ее боялись. Вставала в воскресенье в четыре утра, в пять уже бродила среди прилавков, брала живую курицу, дула ей в попу. И вы за эту куру рубель просите? Не смешите! У нее же ж даже жопка не желтая! Валький с недосыла крестьянин хватал несчастную птину, тоже дул ей в зад — сквозь бледные перья видна была кожа, не то желтая, не то белая — не разберешь. Тетя Мина втолковывала по-молдавски, какая должна быть настоящая, правильная кура, торговалась, пока продавец не уступал вовсе за бесценок, и она уходила, важная, выпив стаканчик вина, связка кур обреченно свисает головой вниз, в кошелке синенькие, красненькие, крепкие гогошары, бледный паж, борщ для замы. Он потом вычитал у Стругацких — борж. Но нет, не то. Это был именно — борщ, кислый. Травка, которую добавляли в куриную лапшу, жирную, густую. Зама. С похмелья оттягивает — только в путь.

Ели вечером всем двором, на улице. Передавали тарелки, стаканы с вином, сдвигали табуретки, сверху — занозистая доска. Швыряли куски дегтям, кошкам, щенкам. Магала. Он тоже ел, сидел рядом с Вальей, важный. Жевал с закрытым ртом, локти на клеенку не клал, говорил вежливо — спасибо. И — хлеб передайте, пожалуйста. Валина мать кричала через весь стол — вкусно тебе, женишок? Он кивал, стараясь не обижаться на женишка. Вкусно. Валя смеялась, болтала ногами, задевала его горячей коленкой, на правой голени — белый серпик шрама. Стеклом порезалась. Папка спьяну стекло высадил, оно в кроватку и упало. Давно, мне два года еще было. Папка лыбился тут же, будто незнамо какой подвиг совершил. Мэй, винца женишку нащедите! Пусть выпьет. Мужчина он или нет?

Как приезжому слабаку, вино ему разбавляли водой — марганцовка превращалась сперва в кровь, потом — в розовую акварельную воду. Домой он возвращался сытый,